

Фрэнк
ГЕРБЕРТ

Фрэнк
ГЕРБЕРТ

ДЮНА

Дюна

◆
Мессия Дюны

◆
Дети Дюны

◆
Бог-Император Дюны

◆
Еретики Дюны

◆
Капитул Дюны

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г37

Frank Herbert

DUNE
DUNE MESSIAH
CHILDREN OF DUNE
GOD EMPEROR OF DUNE
HERETICS OF DUNE
CHAPTERHOUSE: DUNE

Перевод с английского

Ю. Соколова («Дюна», «Мессия Дюны»),
А. Анваера («Дети Дюны», «Бог-Император Дюны», «Еретики Дюны», «Капитул Дюны»)

Художник *Д. Андреев*

Компьютерный дизайн *Г. Смирновой*

Печатается с разрешения литературных агентств
Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

Герберт, Фрэнк.

Г37 Дюна : Дюна ; Мессия Дюны ; Дети Дюны ; Бог-Император Дюны ; Еретики Дюны ; Капитул Дюны : [сборник] / Фрэнк Герберт ; [перевод с английского Ю. Соколова, А. Анваера]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 1504 с.

ISBN 978-5-17-134568-6

Фрэнк Герберт успел написать много, но в истории остался прежде всего как автор эпопеи «Хроники Дюны» — возможно, самой прославленной фантастической саги нашего столетия, саги, переведенной на десятки языков и завоевавшей сердца миллионов читателей по всему миру.

Авторитетный журнал научной фантастики «Локус» признал «Дюну» — первый роман эпопеи о «песчаной планете» — лучшим научно-фантастическим романом всех времен и народов. В «Дюне» Фрэнку Герберту удалось невозможное — создать своеобразную хронику далекого будущего. И не было за всю историю мировой фантастики картины грядущего более яркой, более зримой, более мощной и оригинальной.

Цикл «Хроники Дюны» был и остается уникальным явлением — самым грандиозным, самым дерзким, самым масштабным творением за всю историю мировой фантастики. Но что обеспечило ему такую громкую славу и такую беспрецедентную популярность?

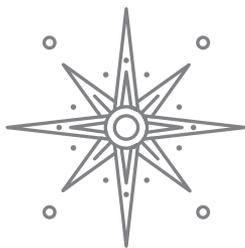
Прочитайте — узнаете сами!

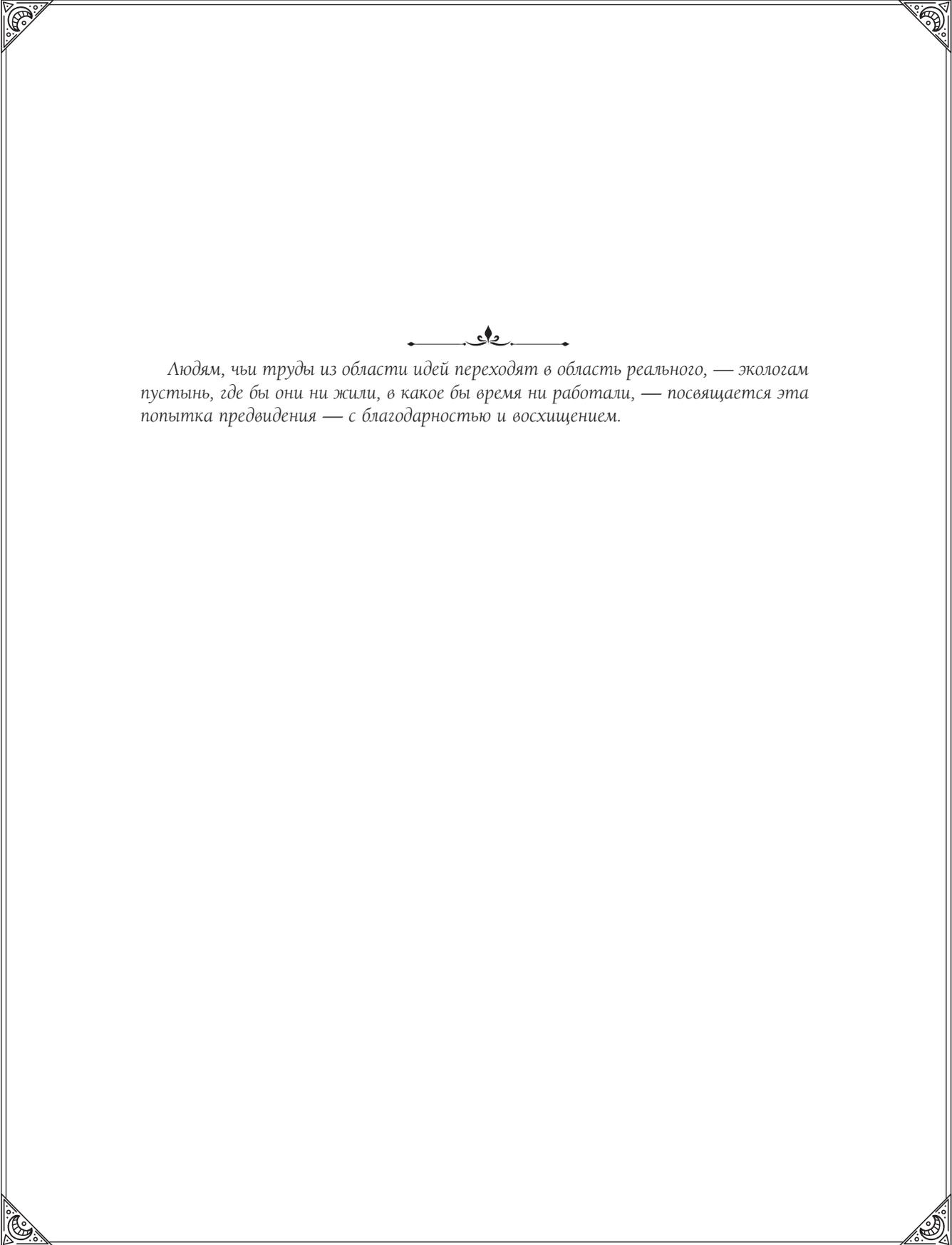
УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-134568-6

© Herbert Properties LLC, 1965, 1969, 1976, 1981, 1984, 1985
© Перевод. Ю. Соколов, 2019
© Перевод. А. Анваер, 2016, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Дюна

Людам, чьи труды из области идей переходят в область реального, — экологам пустынь, где бы они ни жили, в какое бы время ни работали, — посвящается эта попытка предвидения — с благодарностью и восхищением.

Книга 1

ДЮНА

Начиная любое дело, следует строго определить известные факты. Это знает любая из Дочерей Гессера. Чтобы понять Муад'Диб, нужно сперва точно установить время его жизни — он родился на 57-м году правления Падишах-Императора Шаддама IV, — а потом, с особой осторожностью, его место — планету Арракис. Не следует обманывать себя тем, что он родился на Каладане и первые пятнадцать лет своей жизни прожил на этой планете. Лишь Арракис, известный еще и под именем Дюна, навеки останется местом Муад'Диб в истории.

Принцесса Ирулан.
«Книга о Муад'Диб»

До отлета на Арракис оставалась только неделя, и, когда предотъездная суета стала совсем уж непереносимой, к матери Пола прибыла какая-то старая карга.

Ночь была жаркой, и в древней каменной твердыне замка Каладан, служившего семейству Атрейдесов домом уже двадцать шесть поколений, становилось душно, как всегда перед сменой погоды.

Старуху впустили через боковую дверь, ведущую в сводчатый коридор, и позволили заглянуть в комнату юного Атрейдеса, лежащего в кровати.

В исходящем почти от пола тусклом свете притененного плавучего световшара пробудившийся мальчик увидел у двери дородную женскую фигуру, позади которой стояла мать. Старуха была похожа на призрак ведь-

мы: спутанная паутина волос, в глубокой тени, под капюшоном, поблескивают опалы глаз.

— Не слишком ли он мал для своего возраста, Джессика? — спросила старуха дребезжащим, словно расстроенный бализет, голосом.

Мать Пола ответила мягким контральто:

— Известно, что Атрейдесы поздно начинают расти, Преподобная.

— Знаю я, знаю, — продребезжала старуха, — но все-таки ему уже пятнадцать.

— Да, Преподобная.

— Он проснулся и подслушивает, — сказала старуха, хихикнув, — лукавый негодник. Но в крови властелина должно быть лукавство. А если он и впрямь Квизац Хадерач... Ну...

Пол чуть приоткрыл глаза в сумраке спальни. Овальные, яркие, словно птичьи, глаза старухи как будто светились и росли перед его взором.

— Что ж, сегодня спи спокойно, лукавый негодник, — произнесла старуха. — Завтра тебе потребуются все твои силы, чтобы достойно встретить мой гом джаббар.

А потом повернулась, подтолкнула мать мальчика к выходу и, выходя, звучно хлопнула дверью.

Закрывая глаза, Пол подумал: «А что такое гом джаббар?» Во всей сумятице переезда не было ничего страннее этой старухи.

Преподобная.

И она звала его мать просто Джессикой, как простую служанку... ее — госпожу из До-

черей Гессера, наложницу герцога и мать наследника титула.

«Не с Арракисом ли связан гом джаббар, раз я должен познакомиться с ним еще до отъезда?» — подумал он.

Он мысленно произнес странные слова: «Гом джаббар... Квизац Хадерач».

Нужно еще так много узнать! Арракис настолько отличался от Каладана, что знания о нем вихрем кружились в голове Пола.

Арракис — Дюна — Планета пустынь.

Начальник ассасинов его отца, Сафир Хават, все объяснил ему. Их смертельные враги Харконнены восемьдесят лет владели Арракисом, где добывали гериатрическое вещество по квазифайфу, контракту компании КАНИКТ, а теперь Харконнены покидали планету и сменить их в полном файфе должен был Дом Атрейдесов. Герцог Лето одержал явную победу. Но в очевидности этой победы, сказал Хават, крылась и смертельная угроза, — ведь герцог Лето популярен среди Великих Домов Ландсраада.

— Популярность всегда вызывает зависть могущественных, — пояснил Хават.

Арракис — Дюна — Планета пустынь.

Пол заснул, и ему привиделась пещера где-то на Арракисе, молчаливые люди, безмолвно снующие вокруг него в тусклом свете светосфер. Пещера была величественна, как храм, а он сидел и все прислушивался к тихому звуку... кап-кап-кап. И еще во сне Пол уже знал, что запомнит это видение. Он всегда запоминал сны, которые были пророчествами.

Сон поблек.

Еще не совсем проснувшись, Пол задумался в теплой постели. Быть может, мирок замка на Каладане, где не было игр и ровесников, не заслуживал печали при расставании. Его учитель, доктор Юэ, уже намекал, что система каст фюфрелах не так уж строго соблюдается на Арракисе. На этой планете люди жили по краям пустынь, без баши и сеидов, а кроме них — фримены, бродячий народ, называвший себя Вольным и не имевший места в жесткой иерархии Империи.

Арракис — Дюна — Планета пустынь.

Осознав, что волнуется, Пол взялся за одно из тех упражнений для ума и тела, кото-

рым его обучала мать. Три быстрых вдоха сделали свое дело: волной накатилась ясность... сознание сконцентрировалось... аорта наполнилась кровью... отхлынуло все бессознательное... он мыслит рассудком, только собственной волей... обогащенная кровь затопляет области перегрузки... пищи-свободы-безопасности не достигнуть, пользуясь только инстинктом... сознание животного не выходит за грани сиюминутного, ему недоступна мысль, что его жертвы могут вымереть... животное разрушает и не создает... удовольствия зверя всегда на уровне ощущений, они далеки от восприятия... человек нуждается в фоне, координатах восприятия Вселенной... сам фокусирует сознание — вот и система координат... телесная целостность, словно река, наполняется через нервы и сосуды, — глубочайшая потребность всех клеток... целостность тела... все: вещи-клетки-существа — все изменяется и борется за постоянство течений в себе.

Вновь, вновь и вновь омывала сознание Пола эта навсегда заученная ясность.

Едва день позолотил окна в комнате, мальчик уже почувствовал лучи сквозь закрытые веки, а когда открыл глаза, то услышал, что суета и спешка овладели замком, и тогда он принялся рассматривать знакомые пятна света на потолке спальни.

Дверь открылась, в комнату заглянула мать, отливающие бронзой волосы перетягивала на лбу черная лента. Лицо было бесстрастно, а в зеленых глазах мелькало что-то торжественное.

— Ты проснулся, — сказала она. — Хорошо спал?

— Да.

Он окинул взглядом высокую стройную фигуру матери и, когда она, подойдя поближе к шкафу, задумалась, выбирая ему одежду на сегодня, по наклону плеч угадал ее волнение. Другой бы и не заметил, но она сама учила его этому искусству Дочерей Гессера — мгновенной оценке. Она повернулась, в руках ее был полуофициальный пиджак. Над нагрудным карманом его краснел герб-нашивка — красный ястреб Атрейдесов.

— Одевайся быстрее, — сказала она. — Тебя ждет Преподобная Мать.

— Она мне снилась, — сказал Пол. — Кто она?

— Моя учительница из школы Бинэ Гессерит, а теперь ясновидящая Императора. Пол... — Она заколебалась. — Ты должен рассказать ей о своих снах.

— Это из-за нее мы получили Арракис?

— Арракис мы не получили. — Джессика стряхнула пылинку с брюк и повесила их на вешалку у кровати. — Не заставляй ждать Преподобную Мать.

Пол сел на кровати, обняв колени.

— А что такое гом джаббар?

И вновь вышколенные ею же самой чувства позволили ему заметить мгновенную нерешительность, реакцию нервной системы, которую он истолковал как страх.

Джессика отошла к окну, раздвинула шторы и поглядела через речные сады на гору Сиуби.

— Ты узнаешь о... гом джаббаре достаточно скоро, — ответила она.

Он услышал в ее голосе страх и удивился.

Не поворачивая головы, Джессика сказала:

— Преподобная Мать ждет в моей утренней комнате. Пожалуйста, поторопись.

Гайя Елена Мохайем сидела в крытом узорчатой тканью кресле и смотрела на приближающихся мать и сына. Окна по обе стороны кресла выходили на юг, на излучину реки, к зеленым землям наследственных ферм Атрейдесов, но Преподобная Мать не интересовалась красотами природы. Сегодня утром собственный возраст она ощущала куда в большей степени, чем обычно. И относила свою раздражительность на счет космического путешествия в корабле мерзкой Космической Гильдии, отвратительной во всех своих тайных повадках. Однако приведшее ее сюда дело требовало участия сестры из Бинэ Гессерит, наделенной даром прорицания. А потому даже она, ясновидящая Императора, не могла отказаться, раз того требовал долг.

«Проклятая Джессика! — подумала Преподобная Мать. — Если бы только она родила герцогу девочку, как ей было приказано!»

Джессика остановилась в трех шагах от кресла и сделала небольшой реверанс, слегка тронув левой ладонью юбку. Пол отвесил короткий поклон: кланяться подобным обра-

зом тем, в чьем положении ты не уверен, его научил танцмейстер.

Эти тонкости не ускользнули от глаз Преподобной Матери. Она сказала:

— А он у тебя осторожен, Джессика.

Рука матери легла на плечо Пола, стиснув его на мгновение. На долю сердцебиения ладонь сотряс страх. Мать немедленно взяла себя в руки:

— Так его учили, Преподобная.

«Чего она боится?» — мысленно удивился Пол.

Старуха окинула его мгновенным пронзающим взором: овал лица как у Джессики, крепкий костяк, волосы угольные, как у герцога, а брови как у деда по матери, которого нельзя называть... тонкий высокомерный нос, прямой взгляд зеленых глаз — как у старого герцога, покойного деда по отцу.

«Да, этот знал толк в бравате, не боялся и самой смерти», — подумала Преподобная Мать.

— Учение — это одно, — сказала она, — а глубинная сущность — другое. Посмотрим. — Старые глаза жестко глянули на Джессику. — Оставь нас, советую тебе заняться медитацией... успокойся.

Джессика сняла руку с плеча Пола:

— Преподобная, я...

— Джессика, ты ведь знаешь сама: это необходимо.

Пол озадаченно глянул на мать. Джессика выпрямилась:

— Да... конечно.

Пол поглядел на Преподобную Мать. Вежливость матери и ее явный трепет перед этой старухой заставляли соблюдать осторожность. Но неожиданный испуг леди Джессики рассердил его.

— Пол... — Джессика глубоко вздохнула. — Эта проверка, которую ты должен сейчас пройти... очень важна для меня.

— Проверка? — Он удивленно поглядел на нее.

— Помни, что ты — сын герцога, — сказала Джессика, вихрем обернувшись и, шурша юбкой, широкими шагами вылетела из комнаты, надежно затворив за собой дверь.

Обернувшись к старухе, Пол сдержал гнев: — С леди Джессикой не следует обращаться словно со служанкой.

Улыбка коснулась уголков морщинистого рта.

— Мальчик, леди Джессика и была в школе моей служанкой целых четырнадцать лет. — Она кивнула. — И неплохой служанкой к тому же. А теперь, ты, иди сюда!

Пол обнаружил, что повинуется хлесткой команде прежде, чем осознал ее. «Воспользовалась Голосом», — подумал он и остановился, подчиняясь жесту, возле ее колен.

— Видишь это? — спросила она. Из складок одеяния она извлекла металлический куб размером сантиметров в пятнадцать. Она повертела его. Пол заметил, что одной стенки не было, и зиявшая черная пустота странно пугала, словно туда, в эту тьму, не мог проникнуть ни один луч.

— Вложи сюда правую руку, — приказала она.

Страх охватил его. Пол было попятился, но старуха сказала:

— Так вот как ты исполняешь волю матери?

Он посмотрел в яркие птичьи глаза. Медленно, борясь с неуверенностью, Пол вложил руку в ящик. Сперва, когда темнота поглотила руку, он почувствовал холодок, потом ощутил пальцами гладкий металл, а потом рука словно начала неметь.

Хищная судорога передернула лицо старухи, отняв правую руку от шкатулки, она поднесла ее сбоку к шее Пола. Краем глаза он заметил блеск металла и начал уже поворачивать голову.

— Нельзя! — резко сказала она.

«И снова она использует Голос!» — Он не отводил глаз от ее лица.

— Мой гом джаббар у твоей шеи. Строгий враг... гом джаббар... иголка с каплей яда на острие. Ах-ах! Не вздумай даже дернуться, иначе его яд попадет в твою кровь.

Пол попытался сглотнуть — непослушная гортань внезапно словно пересохла. Он и не смел отвести взгляд от этого изборожденного морщинами лица, бледно-розовых десен, хищно поблескивающих серебряными зубами при разговоре.

— Сын герцога должен разбираться в ядах, — сказала она. — Таковы времена, не так ли? Муски — яды, которые добавляют в питье; аумас — те, что кладут в пищу. Бы-

стрые, медленные и средние яды. Гом джаббар тебе пока неизвестен — он убивает только животных.

Гордость одолела страх.

— Вы смеете думать, что сын герцога может быть животным?

— Скажем иначе, я допускаю, что ты можешь оказаться человеком, — ответила она. — Не дергайся. Предупреждаю. Пусть я стара, но эту иглу я успею вогнать тебе в шею... не увернешься.

— Кто вы? — прошептал он. — Как удалось вам обмануть мою мать, чтобы она оставила меня с вами? Вас подослали Харконнены?

— Харконнены? Помилуй, Господь, — нет! А теперь помолчи! — Сухим пальцем она провела по его шее, и он подавил непроизвольное желание отдернуть голову.

— Хорошо, — сказала она. — Первое испытание ты прошел. Продолжим. Знай: если ты вынешь руку из коробки, умрешь. Вот единственное условие. Рука останется в коробке — будешь жить. Вытащишь — умрешь.

Пол глубоко вздохнул, чтобы подавить дрожь:

— Если я крикну, через секунду здесь будут слуги и умрете вы.

— Слуги не минуют твоей матери, которая сейчас охраняет дверь снаружи. Имей это в виду. Твоя мать когда-то сама прошла это испытание. Теперь твой черед. Тебе оказали честь. Мы редко подвергаем такому испытанию маленьких мужчин.

Любопытство поубавило страх, и Пол успокоился. В словах старухи он слышал правду, этого нельзя было отрицать. Если за дверью была мать... если это действительно было испытание... Но как бы то ни было, он попался, рука у шеи сковывала его... Гом джаббар. Он вспомнил литанию от страха из ритуала Бинэ Гессерит, которой его научила мать.

«Я не должен бояться. Страх убивает разум. Страх это малая смерть, грозящая полной гибелью. Я встречу свой страх лицом к лицу. А когда он пройдет, внутренним оком я разгляжу его след. Я дам ему дорогу — надо мной и во мне. Где прошел страх, ничего не будет. Останусь только я».

Ощувив вернувшееся спокойствие, он приказал:

— Начинай, старуха.

— Старуха! — фыркнула она. — В храбрости тебе не откажешь. Ну, посмотрим. — Она качнулась к нему и почти зашептала: — Та рука, что в коробке, почувствует боль. Боль. Но! Попробуй только шевельнуть этой рукой — и мой гом джаббар вопьется в твою шею. Смерть будет быстрее, чем от топора. Понял? Вытащишь руку — и гом джаббар заберет тебя.

— А что в коробке?

— Боль.

Почувствовав покалывание в ладони, Пол плотно сжал губы. «Почему это может быть испытанием?» — удивился он. Покалывание перешло в зуд.

Старуха сказала:

— Ты слышал, что животные иногда отгрызают себе лапы, чтобы вырваться из капкана? Так поступают животные. А человек останется в ловушке, выдержит боль... прикинется мертвым, чтобы убить охотника и навсегда отвести эту опасность от своего рода.

Зуд перешел в слабое жжение.

— Зачем вы это делаете? — потребовал он ответа.

— Чтобы определить, человек ли ты. Молчи.

Жжение в правой руке усиливалось, и Пол стиснул левую в кулак. Боль росла медленно: пекло все сильнее и сильнее. Ногти его свободной руки уже впивались в ладонь, чтобы как-то ослабить боль. Он попытался шевельнуть пальцами горячей кисти, но не смог.

— Жжет, — прошептал он.

— Молчи!

Боль пульсировала в руке. На лбу его выступил пот. Каждый нерв требовал, чтобы он вытащил руку из этой жгучей мглы... но... гом джаббар... Не поворачивая головы, он попытался скосить глаза на ужасную иглу возле шеи. Он чувствовал уже, что задыхается от боли, попытался успокоить дыхание, но не смог этого сделать.

Боль!

Все исчезло. Во всем мире осталась только эта рука, погруженная в адскую муку, да древнее лицо, обращенное к нему.

Он еле разлепил спекшиеся губы.

Жжет! Как жжет!

Ему уже казалось, что кожа на руке вздувается, чернеет, лопается, обнажая обуглившиеся кости.

Боль исчезла!

Словно нажали кнопку... боль исчезла.

Правая рука Пола дрожала, на теле выступил пот.

— Довольно, — пробормотала старуха. — Кулл вахад. Ни одно дитя-женщина не выдерживало такого. Должно быть, я хотела, чтобы ты не прошел испытание. — Она откинулась назад и убрала гом джаббар от его шеи. — Вынь свою руку из шкатулки, юный человек, и посмотри на нее.

Подавляя подступившую дрожь, он глядел на темную пустоту, в которой теперь, казалось, уже собственной волей пребывала его рука. Воспоминание о боли не давало пошевелить ею. Разум подсказывал, что из тьмы он извлечет лишь обугленный обрубок.

— Вынь руку! — приказала она.

Он резко выдернул руку и в изумлении уставился на нее. Ничего! Ни малейшей отметины, никаких признаков терзавшей плоть смертной боли.

— Боль возникает прямо в нервах, — сказала она. — Но не может вырваться наружу к другим людям. Впрочем, некоторые дорого бы заплатили за тайну этой шкатулки. — И она спрятала ее где-то между складок своего одеяния.

— Но боль... — сказал он.

— Боль, — фыркнула она. — Человек сильнее любого нерва своего тела.

Пол почувствовал вдруг боль в левой руке, разжал кулак и увидел четыре кровавых отметины там, где ногти впивались в ладонь. Уронив руку вдоль тела, он поглядел на старуху.

— И с моей матерью вы тоже проделали такое?

— Тебе случалось просеивать песок через сито? — спросила она.

Неожиданный резкий вопрос сразу обострил его восприятие: песок через сито. Он кивнул.

— Мы, Дочери Гессера, просеиваем людей, чтобы найти *человеков*.

Он поднял правую руку, вызвав в памяти свежее воспоминание: «Неужели с помощью одной только боли?»

— Я следила за тобой, отрок, смотрела, каков ты в боли. Боль только ось испытания. Мать учила тебя наблюдать. Я вижу в тебе результаты ее обучения. Суть испытания — кризис и наблюдение.

Слова эти были правдой, и он сказал:

— Да, это так.

Старуха поглядела на него: «Он чувствует правду. Неужели это он? Возможно ли?» Напомнив себе, что надежда искажает результаты наблюдения, она справилась с внезапным волнением.

— Ты понимаешь, когда люди крепче верят в свои слова? — спросила она.

— Я вижу это.

Обертоны знания и уверенности звучали в его голосе. Она услышала их и сказала:

— Быть может, ты и есть Квизац Хадерач. Садись, маленький брат, у моих ног.

— Лучше я буду стоять.

— Твоя мать когда-то сидела у моих ног.

— Я не моя мать.

— Успел возненавидеть, а? — Она глянула в сторону двери и громко позвала: — Джессика!

Дверь распахнулась, показавшаяся на пороге Джессика жестким взглядом обвела комнату. Когда она увидела Пола, ожесточение исчезло с ее лица. Она выдавила легкую улыбку.

— Джессика, ты теперь перестала меня ненавидеть? — спросила старуха.

— Я и люблю и ненавижу вас, — ответила Джессика. — Ненависть — это память о боли, что не исчезнет, а любовь — это...

— Только главное, — оборвала ее старуха, впрочем, ласковым тоном. — Можешь войти, но помолчи. Закрой дверь и позаботься, чтобы нас не прервали.

Джессика вошла в комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. «Мой сын жив, — думала она. — Мой сын жив, и он... человек. Я знала это... но... он жив. Теперь и я могу жить». За спиной была жесткая дверь, и все в комнате было реально и осязаемо.

Мой сын жив!

Пол поглядел на мать. Старуха говорила правду. Он хотел бы остаться один и все обдумать, но понимал, что его пока не отпустят. Старуха приобрела над ним власть. Они

обе говорили правду. Его мать выдержала это испытание. За всем чувствовалась ужасная цель его бытия... Боль и страх. Что такое ужасная цель, он понимал. Такие цели превыше прочего. В них властвует неизбежность. Пол давно чувствовал, что несет в себе страшное предназначение, какую-то ужасную неизбежность. Но он еще не знал, какова будет странная цель его существования.

— Когда-нибудь, отрок, — сказала старуха, — и ты встанешь за подобной дверью. Это непросто.

Пол поглядел на руку, познавшую боль, потом на Преподобную Мать. В голосе ее слышалось нечто, не похожее на любой другой голос. Слова ее были огранены, как бриллианты. Они резали, словно ножи. Он почувствовал, что ответом на любой вопрос, который он сумеет задать, она может вырвать его из мира плоти в какую-то высь.

— Почему вы испытываете людей? — спросил он.

— Чтобы освободить.

— Освободить?

— Когда-то люди решили, что думать за них будут машины, понадеявшись, что станут от этого свободнее. Но вместо этого они просто позволили хозяевам машин поработать их.

— «Да не сотворишь машины, наделенной людским умом», — процитировал Пол.

— Так было сказано со времен Батлерианского джихада, и так говорится в Оранжевой Католической Библии, — сказала она, — но в О. К. Библии должно было быть: «Да не сотворишь машины, наделенной *человеческим* умом». Ты изучал ментата вашего Дома?

— Сафир Хават занимался со мной.

— Великое Восстание выбило у людей костыль, — продолжила она. — Человеческий разум был вынужден развиваться. Открылись особые школы, чтобы развивать в нас таланты.

— Школы Бинэ Гессерит?

Она кивнула:

— Сохранилось два остатка этих древних школ: Бинэ Гессерит и Космическая Гильдия. В Гильдии, как мы думаем, упор делается на чистую математику. У Дочерей Гессера иная задача.

— Политика! — сказал он.

— Кулл вахад! — воскликнула старуха, строго глянув на Джессику.

— Я не говорила ему об этом, Преподобная, — пожалала та плечами.

Преподобная Мать вновь обратила свое внимание на Пола и ответила:

— Ты понял это по удивительно малому числу признаков. И в самом деле политика. Вначале школу Бинэ Гессерит направляли те, кто видел нужду в нити, связующей человеческие дела. И они поняли, что такой нити не будет, если не отделить людей от зверей... и еще — если не вывести породу.

Внезапно слова старухи словно расплылись, потеряли для Пола свою резкость. Он почувствовал, как они оскорбили его инстинкт правды, так называла это его мать. Не то чтобы Преподобная Мать лгала ему. Она явно верила в собственные слова. Здесь крылось нечто глубокое, родственное его ужасному предназначению.

Он сказал:

— Моя мать говорит, что в школах Дочерей Гессера ученицы не всегда знают своих предков.

— Все генетические линии зафиксированы в наших анналах, — ответила старуха. — И твоя мать знает, что она или родом из Дочерей Гессера, или же ее происхождение приемлемо для нас.

— Но почему же она не должна знать, кто ее родители?

— Некоторые знают... Многие — нет. Возможно, ее хотели скрестить с близким родственником, чтобы зафиксировать какую-нибудь генетическую доминанту. У нас может быть много причин.

И вновь Пол не почувствовал правды в ее голосе.

— Вы много берете на себя, — сказал он. Преподобная Мать с удивлением глянула на него:

«Не слышалось ли мне осуждение в его голосе?»

— На наших плечах тяжкий груз, — отвечала она. Пол все более и более приходил в себя после испытания. Обратив к старухе испытующий взор, он спросил:

— Вы сказали, что я, быть может... Квизац Хадерач. Что это? Гом джаббар в человеческом обличье?

— Пол, — сказала Джессика, — нельзя разговаривать таким тоном с...

— Я сама управлюсь, Джессика, — вмешалась старуха. — А теперь, отрок, что ты знаешь о зелье ясновидения?

— Вы принимаете его, чтобы усилить способность распознавать ложь, так рассказывала мне мать.

— Ты когда-нибудь видел ясновидящую в трансе?

Он качнул головой:

— Нет.

— Зелье это опасно, — сказала она, — но позволяет многое постигать. Когда ясновидящая вкусит его, она может заглянуть во многие уголки собственной памяти... в память своего тела, и мы далеко заглядываем в прошлое... но только путем женщины. — В голосе ее послышалась печаль. — Но есть и такое место, куда не смеет заглянуть ни одна ясновидящая. Оно отталкивает нас, ужасает. Сказано, что однажды придет мужчина и обретет с помощью зелья внутреннее зрение. Он заглянет, куда мы не смеем: и в мужское, и в женское прошлое.

— Это и будет ваш Квизац Хадерач?

— Да, тот, кто может быть одновременно во многих местах, Квизац Хадерач. Многие мужчины пытались... многие, но безуспешно.

— И всех, кто рискнул попробовать, ждала неудача?

— Нет, что ты, — она покачала головой, — всех, кто рискнул, — ждала смерть.

Пытаться постичь Муад'Дибя, не зная его смертных врагов, Харконненов, все равно что пытаться понять правду, не зная кривды. Все равно что пытаться узнать свет, не зная тьмы. Это немислимо.

Принцесса Ирулан.
«Книга о Муад'Дибя»

Унизанные кольцами пальцы жирной руки раскручивали рельефный глобус, стоявший возле стены на затейливой подставке.

Все стены лишенной окон комнаты были увешаны полками с лентами, свитками и книгофильмами. Освещали комнату плавающие световые шары.

В середине комнаты поблескивал овальной крышкой розоватой яшмы стол из окаменевшей древесины элаккового дерева. Он был окружен приспособляющимися к форме тела креслами на гравипоплавках, два из них были заняты. В одном расположился мрачный темноволосый круглолицый молодой человек лет шестнадцати. В другом — низкорослый худощавый мужчина с несколько женственным лицом.

Оба, и юноша, и мужчина, глядели на глобус и на расположившегося за ним в тени человека.

Рядом с глобусом раздался смешок, и густой бас произнес:

— Ну вот, Питер, настроен самый большой капкан во всей истории. И герцог направляется прямо в его челюсти. Разве это не великолепное воплощение замыслов барона Владимира Харконнена?

— Безусловно, барон, — согласился мужчина певчим музыкальным тенором.

Жирная рука опустилась на глобус, оставив его вращение. Теперь двое сидевших перед ним могли разглядеть замершую поверхность — такие глобусы делались лишь для богатых коллекционеров либо для избранных Империей правителей планет. Работа была отмечена печатью имперской роскоши: сетка долгот и широт была выложена тонкой платиновой проволокой, полярные шапки набраны из великолепных молочно-белых бриллиантов.

Жирная рука провела по глобусу.

— Прошу вас взглянуть, — прогремел бас, — внимательнее, Питер, и ты, Фейд-Раута, мой дорогой. Поглядите на эти волны — от шестидесятой параллели к северу до семидесятой на юге. Этот цвет... он не напоминает вам карамель? И ни клочка синевы — ни озер, ни рек, ни морей. А эти очаровательные полярные шапки — они так малы. Разве можно спутать эту планету с другой? Арракис! Уникальнейший мир. И великолепная почва для бесподобнейшей из побед.

Улыбка тронула губы Питера.

— Подумать только, барон, Падишах-Император полагает, что сам отдал герцогу вашу планету вместе со специей. Сколь пикантно!

— Какая чушь! — прогремел барон. — Ты хочешь запутать юного Фейд-Рауту, не морочь голову моему племяннику.

Мрачный юнец шевельнулся в кресле, разгладил морщинку на туго натянутых черных лосинах. В дверь за его спиной вдруг постучали, и он резко выпрямился.

Питер поднялся из кресла, наискосок прошел к двери и чуть приотворил ее, чтобы принять цилиндр с сообщением. Он закрыл дверь, развернул цилиндр, внимательно проглядел и хихикнул... раз... другой.

— Ну, — требовательным тоном сказал барон.

— Этот дурак ответил нам, барон!

— Ну когда же и кто из Атрейдесов упускал возможность принять красивую позу? — спросил барон. — И что же он пишет?

— Такой невежа, барон... Обращается к вам просто «Харконнен», ни титула, ни даже «Сир и любезный кузен...».

— Имя неплохое, — буркнул барон, тон его выдавал нетерпение. — Что же пишет наш добрый Лето?

— Он пишет: «Ваше предложение о встрече я отвергаю. Слишком часто приходилось мне наткнуться на ваши ловушки, об этом знают все».

— И что дальше? — спросил барон.

— А еще он пишет: «Искусство канли еще находит поклонников в Империи». Подписано: «Герцог Лето Арракийский». — Питер расхохотался. — Арракийский! Боже! Это уж слишком.

— Помолчи, Питер, — сказал барон, и смех словно выключили. — «Канли» он пишет? — переспросил барон. — Значит, кровная месть. Доброе словцо подобрал, богатое, такое, чтобы я не ошибся в его намерениях.

— Формально вы сделали шаг к примирению, — сказал Питер. — Обычай выполнен.

— Для ментата, Питер, ты слишком разговорчив, — сказал барон и подумал: «От него скоро придется избавиться. Он уже сделался практически бесполезным». Барон искоса поглядел на своего ментат-ассасина — глаза

этого человека притянули бы к себе любой взгляд — туманная синева в синеве, глаза без белков.

Ухмылка судорогой искривила лицо Питера, превратив его в театральную маску с прорезанными щелями для глаз.

— Но, барон, кто слышал о мести, более прекрасной, чем ваша? Роскошен уже сам план этой ловушки: заставить Лето обменять Каладан на Дюну... и он не смеет отказаться — ведь это приказ Императора. Изысканнейшая мысль!

Холодным тоном барон выговорил:

— Питер, у тебя недержание речи.

— Но я так счастлив, мой барон! А вы... вы рвнуете.

— Питер!

— Ах-ах, барон! Разве не достойно сожаления, что эта изысканная идея не принадлежит вам?

— Питер, я вот-вот прикажу тебя удавить.

— Не сомневаюсь, барон. Дождался. Ах, ни одно доброе дело не остается безнаказанным...

— Питер, ты сегодня наглотался вериты или семуты?

— Правда и смелость удивляют барона, — ответил Питер, лицо которого вновь застыло маской, на этот раз изображающей печаль. — Ах-ах! Но видите ли, барон, как ментат я буду заранее знать, когда вы пошлете ко мне палача. А вы не сделаете этого, пока я еще могу быть чем-то полезным. Торопиться-то с моей смертью будет накладно, ведь кое-какой прок от меня пока есть. Уж я-то знаю, чему вас научила эта очаровательная Дюна, — не транжирить. Верно, барон?

Барон не отводил взгляда от Питера.

Фейд-Раута шевельнулся в своем кресле. «Тщеславные глупцы, — подумал он, — зачем они препираются? Неужели оба считают, что у меня нет иного дела, кроме как слушать эти вздорные перебранки?»

— Фейд, — произнес барон, — я велел тебе слушать нас и учиться, для чего и пригласил сюда. Ты учишься?

— Да, дядя, — в голосе слышалась осторожная услужливость.

— Иногда я не понимаю Питера, — сказал барон. — Я причиняю боль по необходимо-

сти... он же... Клянусь, Питер просто наслаждается чужой болью. Мне лично жаль бедного герцога Лето. Скоро на сцену выступит доктор Юэ, и Атрейдесам придет конец. И, вне сомнения, Лето поймет, чья рука направляла сговорчивого доктора, и в этом будет весь ужас его положения.

— Почему же тогда вы не велели доктору тихо и спокойно вогнать герцогу кинжал между ребер? — спросил Питер. — Вы говорите о милосердии, но...

— Герцог должен знать, что его гибель — дело моих рук. Пусть задумаются и прочие Великие Дома. Это их остановит. Я получу передышку. Сейчас она необходима, и мне не нравится это.

— Передышку, — фыркнул Питер. — Император не отрывает от вас глаз. Вы действуете слишком смело, барон. Однажды Император пришлет сюда, на Гайеди Прим, легион другой своих сардаукаров... Тут и настанет конец барону Владимиру Харконнену.

— А тебе, Питер, хотелось бы увидеть это, не правда ли? — спросил барон любезным тоном. — Поглядеть, как корпус сардаукаров будет грабить мои города, брать этот замок. Ты ведь и впрямь получишь удовольствие.

— Ну как можно говорить подобные вещи, барон? — пробормотал Питер.

— Тебе надо стать башой корпуса, — отвечал барон, — слишком уж ты любишь боль и кровь. Наверное, я поторопился с распределением будущих трофеев на Арракисе.

Пятью курьезно осторожными шажками Питер просеменил за кресло Фейд-Рауты. В комнате воцарилась напряженность, и юноша, озабоченно хмурясь, глянул на Питера.

— Не надо играть с Питером, барон, — сказал ментат. — Вы обещали мне леди Джессику. Вы обещали ее мне.

— Ну зачем она тебе, Питер? — спросил барон. — Помучить?

Питер молча глядел на него.

Фейд-Раута отодвинулся в своем гравикресле:

— Дядя, я еще нужен? Вы сказали, что...

— Мой дорогой Фейд-Раута теряет терпение, — сказал барон. Он шевельнулся в тени рядом с глобусом. — Терпение, Фейд. — Он вновь обернулся к ментату: — А как насчет